

МИШЕЛЬ НИКЁ

Западные источники русской души

Речь здесь не о том, чтобы исследовать пресловутую «русскую душу» саму по себе, вкупе с ее репутацией таинственности, иррационализма, женственности¹: «Умом Россию не понять...» (Тютчев). Русская душа стала мифом, в настоящее время повсеместно воспринимаемым в виде бесспорной данности, в том числе самими русскими², которая противопоставляется не менее мифифицированному Западу. Меня занимает скорее археология или генеалогия этого выражения: когда оно появилось, где и каким образом получило распространение?

Итак, прежде всего необходимо установить происхождение синтагмы «русская душа» и ее эквивалента на французском языке — «*âme russe*», исследовать условия рождения «русской души», появление которой, как мы увидим, датируется только XIX веком — как в России, так и во Франции, важно понять также, имел ли здесь место перевод, переход от одной к другой. Но прежде надлежит отличить синтагму «русская душа» от ряда близких, но не тождественных выражений:

— *национальный характер*: синтетическое понятие, получившее распространение благодаря опытам характеристики народов, практиковавшимся философами Просвещения³. «Психология народов» (термин появился у Лазаруса в 1851 году) представлена во Франции трудами А. Фуйе, чья работа «Психологический эскиз европейских народов» содержит важную главу о характере русского народа⁴. В наши дни исследования такого толка, дискредитированные вследствие их инструментализации в национал-социализме, возобновляются под именем этнопсихологии, а в России под весьма русским названием *русская ментальность или менталитет*⁵.

— *славянская душа*: как и «русская душа», это понятие собирательного, но более широкого характера и, как мы увидим, иностранного происхождения. Во Франции оно часто является синонимом «русской души»⁶.

— «русский дух» («русский ум»), это понятие восходит к веку Просвещения и к философии Гегеля. Белинский использует гегелевское выражение «субстанциональный принцип» («загадочный») или «субстанциональный элемент»⁷. В 1855 году Киреевский выражает сожаление о семантической деградации словосочетания «русский дух»: «Под *русским духом* понимается уже не воодушевление всемирного человеческого духа духом истинного православного христианства, а лишь отрицание западного духа»⁸.

— *народность, народный дух*, что порой переводится на французский язык как «национальный характер». Это понятие имеет семантические вариации в зависимости от того, кто его использует: представители *официальной народности* Николая I или советские теоретики, у которых оно лишается духовной составляющей. Вяземский, который, судя по всему, использовал его первым в письме к Александру Тургеневу от 22 ноября 1819 года, прибегнул к нему, чтобы перевести на русский язык французское слово «национальность»⁹; Уваров делает то же самое¹⁰. В 1833 году Плетнев определяет *народность* как «совокупность всех особенностей нашей жизни [...], как черты, составляющие физиономию нашей души»¹¹. Ощущается нехватка обобщающего исследования о этом понятии «народность», которое во многом немецкого происхождения (*Volkstum*¹²): оно разрабатывается в последней четверти XVIII века¹³ и распространяется в романтическую эпоху:

Прежде всего сказать должно, что до 1836 года¹⁴, никто из писателей и поэтов, от Ломоносова до Пушкина включительно, не сомневался в нашей народности, т. е. в том, что мы известная народность, особенность, самость¹⁵.

— наконец, *русская идея*: для Достоевского, который является изобретателем этого понятия (в «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год», написанном в сентябре 1860 года), она является синтезом европейских идей в русском национальном сознании. «*Русская идея*» соотносится с «русским Христом»¹⁶, а также — чуть позже — с Восточным вопросом. Для Соловьева «русская идея» связана с единением Церквей, для Бердяева — с эсхатологией, для перестроечных публицистов — с национализмом¹⁷. Русская идея принадлежит к историсофии: это идея русского пути, русского мессианизма, идея развития и судеб России, которая, как это ни парадоксально, часто формулировалась западными мыслителями (Вольтер, Баадер, Шеллинг, Токвиль...) ¹⁸. <...>

Когда выражение *русская душа* появляется в русском языке?

По этому вопросу существует ряд статей и заметок, которые далеко не во всем совпадают.

Как полагает Мишель Кадо, «...похоже, что Лермонтов, который отнюдь не был славянофилом, одним из первых среди русских писателей использовал выражение *русская душа* в знаменитом стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой, Еще неведомый избранник, Как он, гонимый миром странник, Но только с русскою душой...» (1832)¹⁹. Однако, необходимо заметить, что это словоупотребление в творительном падеже, находящееся в зависимости от субъекта высказывания, совсем не тождественно использованию данного понятия в абсолютном (независимом) значении, когда в нем сказывается субстанциализация русского духа. Вместе с тем, подчеркивая то обстоятельство, что Лермонтов не был славянофилом, Мишель Кадо, судя по всему, полагает, что именно славянофилы стали говорить о «русской душе», однако они говорили скорее о «русском духе», о «русском уме», о «духе народа» в гегелевском значении этих понятий²⁰.

В приведенной статье Р. Уильямс датирует выражение 1842 годом, полагая, что оно появилось впервые в статье Белинского о «Мертвых душах»:

«Нашей литературе, вследствие ее искусственного начала и неестественного развития, суждено представлять из себя зрелище отрывочных и самых противоречащих явлений. Мы уже не раз говорили, что не верим существованию русской литературы как выражению народного сознания в слове, исторически развившегося; но видим в ней прекрасное начало великого будущего, ряд отрывочных проблесков, ярких, как молния, широких и размахистых, как русская душа, но не более, как проблесков»²¹.

Но следует уточнить, что сам Гоголь уже использовал это выражение в 1834 году в статье о Пушкине, опубликованной в сборнике «Арабески»:

« При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем

русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»²².

Если для Белинского «русская душа» соотносится больше с русской реальностью, то Гоголь придает понятию скорее религиозное содержание, которое получит развитие у Достоевского. В начале «Бесов» хроникёр иронизирует над разговорами о «русском боге», «русском духе»... В «Дневнике писателя» выражение «русская душа» использовано шесть раз, причем в одном случае оно строго противопоставляется «душе Запада», тогда как в другом выступает синонимом «гения русского народа»:

«Вот что мне кажется: не сказала ли в этом факте (то есть в примыкании к крайней левой, а в сущности, к отрицателям Европы даже самых яростных наших западников), - не сказала ли в этом протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, сказывалась чуждой русской душе? Я именно так думаю. О, конечно, этот протест происходил почти всё время бессознательно, но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала?»²³

А вот вторая цитата:

«Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»²⁴

Сама русская душа не охарактеризована; речь идет не столько о национальном характере, сколько о душе народа в гердеровском смысле понятия – органическом целом. Оригинальность трактовки Достоевского заключается в том, что он придал «русской душе» всемирное, мессианское и универсальное значение.

Заметим, что понятие «русская душа» встречается также у А. Григорьева, который поэтизирует ее иррациональный, распущенный характер, противопоставляя его старой доброй Европе²⁵.

Итак, в заключение этого далеко не полного лексикографического обзора, подчеркнем, что синтагма «русская душа» появля-

ется впервые в 1834 году у Гоголя, затем его использует Белинский в статье о «Мертвых душах», после чего его подхватывает Достоевский и «почвенники», а не «славянофилы». <...>

Идея русской души

Идея «русской души», русской особенности вызревала с конца XVIII века, хотя для ее выражения не хватало лексикона. Гоголь и Белинский заимствуют это понятие в немецком идеализме²⁶. Действительно, с какого момента народы заполучают душу? Именно с того, когда народ оказывается субстанцией превосходящей индивида, то есть, если говорить о новейшей Европе, начиная с романтизма, сначала немецкого, потом французского, а также со времен идеалистической философии. Действительно, именно романтическая концепция нации как общности, сплоченной культурой и языком (Гердер, Фихте, Шатобриан, Местр, Бональд), концепция органистического или даже натуралистического толка, была воспринята в России в 1840 годы: в рамках этой концепции народ наделялся душой. Позднее Э. Ренан (1823-1892) будет прославлять ее в знаменитой лекции «Что такое нация?» (1882), а по смерти И.С. Тургенева напишет, что в творчестве последнего воплотилась «славянская душа»²⁷. Словом, именно с романтизма народ наделяется душой, а не «духом», как это было у Монтескье («общий дух нации» в «Духе законов», XIX, 4).

Таким образом, следует думать, что «русская душа» является своеобразным вариантом понятия «душа народа», которую Гердер и его современники находили в языке и народных песнях. Немецкий философ, который считается изобретателем понятия «народная песня» (Volkslieder), видел в народных песнях «истинное выражение души народа» (Volkseele). Итак, в плане истории идей именно Гердер, предсказывавший прекрасную будущность России и Украине, стоит у начал русского национального самосознания, равно как национального сознания других славянских народов (Ян Коллар). Западные источники славянофильской доктрины хорошо исследованы и общеприняты. То же самое можно сказать о «русской душе».

Распространению понятия «русской души» поспособствовал также Шеллинг: его ученик В.Ф. Одоевский называл немецкого мыслителя «Колумбом начала XIX века», который открыл народам их «душу», добавляя, что именно Россия призвана спасти «душу Европы»²⁸.

II

О РУССКИХ КЛАССИКАХ

